

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

Алексей ФАТЕНКОВ

доктор философских наук, и.о. заведующего кафедрой философии. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. 603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; e-mail: kfa@fsn.unn.ru

НЕБЕЗРАЗЛИЧНОЕ В ПИКУ ТОЛЕРАНТНОМУ

Критически рассматривается норма и практика толерантности. Ей противопоставляется небезразличие как нравственно приоритетная жизненная установка. Автор апеллирует к экзистенциальному опыту, реконструируя его с минимальной внутренней цензурой. Смыслообразы жизненной конкретики превалируют в тексте над понятийно-категориальным схематизмом. Реконструируемый опыт полон иронии: и озорной, и горькой. Продумываются основания, достоинства и недостатки ироничного взгляда на мир и на самого себя. В поле зрения автора оказываются отношения мужчины и женщины, стихия влечения, чудо любви – и сопредельные им, не вызывающие симпатий, социально-культурные феномены проституции, гомосексуализма, феминизма. Неоптимистичны по преимуществу авторские интуиции и ощущения касательно событийного ряда в политической и экономической сферах современной общественной жизни. Все интерпретации и оценки соотносятся с защищаемой позицией небезразличного, иллюстрируя её, и с отвергаемой линией толерантности. Вывод, он же интуитивный предпосылочный пункт: либерально фундированной толерантности ответственно противостоит небезразличие здорового индивидуализма и экзистенциальной сосредоточенности как таковой. И в Европе, и в России – сегодня с большим трудом. Небезразличный не одинаков и не ровен с людьми: искренне и не напоказ любит – и ненавидит; ненавязчиво оберегает, помогает, сочувствует – и лишь терпит, непринуждённо или усилием воли. Толерантный, исподволь или демонстративно осуждая несогласных с ним, остальных воспринимает ровно, приблизительно так, что не исключает безразличия – наоборот, скорее культивирует его.

Ключевые слова: безразличие, безразличие, толерантность, терпимость, мужчина, женщина, индивидуализм, либерализм, ирония, экзистенциальный опыт

Теоретические наметки

Я и другие. Неустраняемая жизненная антиномия. Никакие внешние, социальные регуляторы – ни мораль, ни право – не способны её разрешить. Экзистенциальной напряжённости и столкновения ценностей в человеческом мире не избежать. Среди ценностных шаблонов, которые «большое общество» (вернее, кто-то от его имени) пытается навязать мне, с «перестроечных» времён фигурирует – то с большими, то с меньшими притязаниями – и принцип толерантности. Его рецепция в отечественном интеллектуальном пространстве представлена знаковыми переводами [см.: 2; 8; 11], энциклопедическими статьями [см.: 1; 14], текстами академической периодики [см.: 4; 9]. Автор настоящей работы в восприятии нормы и практики толерантности гораздо критичнее своих уважаемых коллег. Экзистенциальный опыт, реконструируемый с минимальной внутренней цензурой, играет тут определяющую роль. Он никоим образом – ни целиком, ни частично – не преподносится в качестве эталонного, рекомендуемого к тиражированию. Задача иная: проговариванием он отправляется на повторную экзистенциальную проверку. Цель – окончательно защитить его от сторонних оценок любого рода.

К делу. Толерантность учит тому, чтобы я терпимо относился ко всем другим, за вычетом нетолерантных [см.: 8, с. 328–329]. Но как мне относиться к себе? Если нетолерантно, я – нацеленный на самоустранение некрофил-трагик. И не освобождаюсь от влечения к смерти при бесприставочном, толерантном отношении к себе. Тогда я – не я, а некто из множества других. Некрофил-комик с симптомами прогрессирующей шизофрении, манерным дроблением самости на осколки. Хорошо, допустим, я терпимо (так, чуть-чуть) жертвую собой во благо других. Но без толку. Толерантные всё равно постепенно рассыпаются вместе со мной, выходит, при моём попустительстве; нетолерантных, скольких успею, я целенаправленно обязан урезонивать, секвестировать. По наказу Карла Поппера, либерально «терпимые» должны иметь право подавлять, при необходимости силой, всех нетерпимых к ним, включая противников-теоретиков: те, дескать, не готовы общаться «на уровне доводов разума» [8, с. 329]. Высокомерия толерантным не занимать. Ну да ладно, правку внести легко. Элементарными вопросами-доводами. Коли ты такой правильно умный, зачем инакомыслящих ограничивать в правах? И чем ты, ненавидящий и преследующий по закону, который сам вместе с себе подобными установил, отличаешься от нетолерантных, тоже не скрывающих неприязни к кому-то и чему-то?

Толерантность – декларативно важная составляющая либерального мировоззрения. Упомянутые выше энциклопедические издания солидарно отмечают сей факт, дополняя его концептуальной привязкой толерантности к теории и практике гражданского общества. Иначе, конкретнее говоря, общества буржуазного – по гегельянско-марксистским (монистическим, континуалистского толка) меркам. Стало быть, либерально-буржуазный мир ставится в привилегированное положение толерантной стратегией. При этом указывается, хотя и безоценочно, крайне сомнительная, как ни крути, её черта. Толерантности не обойтись без притворства, без сочетания «спонтанно-негативного восприятия другого... и позитивного действия в его адрес» [1]. Искренняя доброжелательность к тем, кто рядом, к кому-то из них, изначально в расчёт не берётся. Безнадёжно злобной, порочной, неблагонадёжной трактуется здесь человеческая натура.

Толерантность квазирелигиозна по своим истокам. Духом протестантизма, отчасти секуляризованным, веет от неё. Джон Грей в «Поминках по Просвещению» пишет о том, что толерантность со времён Мильтона и Локка является предпосылкой любого стабильного образа жизни «среди неисправимо несовершенных существ», она учит снисходительно относиться к грехам других и бороться с грехами собственными [см.: 2, с. 45]. О фатальной, неисправимо несовершенной природе земных существ проще всего вести речь в рамках религиозно-авраамической картины мира с подразумеваемым в её содержании «первородным грехом». Толерантность есть превращённая форма отношений между людьми, опосредованных их безусловно подчинённым отношением к Богу. Она становится востребованной, когда фигура Бога утрачивает абсолютную ценность, доктринально равную значимость для всех людей. Когда появляются – по правде или по имиджу – «критически мыслящие личности», полностью отвечающие за свои поступки и вынужденные терпеть рядом с собой – о, ужас! – столь же суверенных оппонентов и «безответственного человека толпы», которого они некритически, материально эксплуатируют, рассчитывая при этом на моральную индульгенцию в виде терпимого отношения к себе со стороны притесняемого люда и неупомянутых полемикой и доносами собратьев по уму.

Толерантность от рождения лукава, полна буржуазной манерности. Грей же утверждает иное: она изначально основывается якобы «на прочных моральных убеждениях», не может нейтрально относиться к вопросам блага, именно поэтому она, дескать, и не соответствует духу нынешней, неолиберальной эпохи [см.: 2, с. 47]. Но нет, об онтологически прочном фундаменте толерантной морали говорить не приходится. Она со старта базируется не на твёрдом имманентизме (материалистического или натуралистического толка) и не на абсолютистски трактуемом трансцендентном начале, а на идее ослабленной трансцендентности (надзирающий Бог то нужен, то нет; нужен кому-то, но не всем). И

нейтральное, в диапазоне безразличия, отношение к благу для толерантности-терпимости отнюдь не запрещено – хотя бы потому, что логически не табуировано одинаковое, приблизительно схожее, отношение людей к той или иной ценности. Для априори несовершенных существ эта одинаковость заведомо будет не самой достойной. И наконец, толерантность фрагментарно отторгается нынешней эпохой, как представляется, скорее не вследствие трансформации «старой–доброй» версии либерализма к вариации новой, ухудшенной, а вследствие локального сопротивления либерализму как таковому. Причём далеко не все очаги сопротивления варварско-мракобесного, лубочно-традиционалистского или анархо-элэдэшного кроя.

Известна неомарксистская попытка противопоставить либерально-буржуазной толерантности её позитивный негатив. Оригинал, согласно Герберту Маркузе, нацелен на то, чтобы воспроизводить в отчуждённой от индивида социальной реальности вертикаль господства и подчинения. Отрицание фальшивого оригинала подразумевает эмансипацию индивида в процессе революционного перехода от иерархической организации общества к действительному равенству. Однако и «освобождающая» (не «репрессивная») толерантность с необходимостью предполагает насилие – по отношению к силам реакции. Она требует терпимости к левым политическим движениям и нетерпимости к правым. Причём настаивает на нетолерантных актах по адресу противника «уже до действия, на стадии коммуникации – устной, печатной, визуальной» [6, с. 124]. Речь идёт ни много ни мало о лишении гражданских прав тех, кто препятствует эмансипации обездоленных, и о подавлении не только старых, но и возможных новых хозяев жизни.

Возражая замыслу «франкфуртца», следует указать минимум на две несообразности теоретического и практического толка. Во-первых, различение двух видов толерантности – освобождающей и репрессивной, правильной и неправильной – предполагает оценку, корректность которой обусловлена явным или неявным наличием иерархии (не равенства) ценностей, стало быть, подавлять иерархию равенством, к чему призывает Маркузе, бесперспективно. Во-вторых, вряд ли даже оправданное, справедливое по человеческим или историческим меркам насилие имеет смысл привязывать к линии толерантности: концептуальные потери несут тогда обе позиции – в прибыли остаётся лишь ложь идеологии: и революционной, и законопослушной.

«Толерантность» – наукообразный, политизированный синоним «терпимости». Терминированное слово – философских и научных теорий – отличается от слова обывденного языка заметно более строгим очертанием своих смысловых границ. Политизация термина даёт обратный эффект, содержание лексемы становится расплывчатым, вдобавок в ней нарастает тяга к абсурдным контекстам. Для нормального, вменяемого человека (и теоретика) мир – это мир, война – это война.

Для подсевшего на политику всё иначе: «хочешь мира, готовься к войне» – изыск, отворяющий двери убийственной оруэлловской нелепице: «мир – это война». От диалектики не убудет, наоборот, если она выдавит из себя фарс, цинично-идеологизированное отождествление противоположностей.

«Терпимость» – тоже не самая бодрящая, вяловатая идея. Впрочем, её «минимализм» кому-то представляется привлекательным. В одном из благожелательных откликов на книгу Майкла Уолцера читаем: «... вы “терпите” то, чего не выносите. В этом сила данного понятия» [11, с. 131]. Наивная формула, далёкая от жизненных реалий. На деле мы выносим и то, что всего лишь терпим. То малодушно оправдывая себя (практикуя «разумный компромисс», ссылаясь на «необходимость», сетуя на «судьбу», культивируя «смирение»), то горько презирая – и всякий раз размывая рубеж нестерпимого. Но окончательно его не стереть, иначе о воле человека, тем более о «свободной воле», говорить уже не придётся.

Уолцер в связи с этим полагает, что главная проблема не в наличии предела терпимости (в его отсутствие всерьёз никто не верит), а в широте рамок сносимого [см.: 11, с. 19–20]. Однако широта широте рознь, как и разнообразие разнообразию тоже. На что американский моралист далеко не всегда обращает внимание, зачастую опуская существеннейшее различие между социальным и экзистенциальным регистрами бытия. А ведь они нередко противонаправлены друг другу. Чем шире в действительности социально терпимое, позволяемое от лица всех, тем, вероятно, разнообразнее и разноречивее, конкретнее и теснее экзистенциально терпимое, сносимое каждым отдельным индивидуумом. Либеральный паллиатив в разрешении очерченного противоречия заключается в подмене декларируемой широты исподволь устанавливаемой унификацией, позволяющей констатировать «узость взглядов» не всех и каждого, а некоторых – неудобных и неудобных, отбор коих может вестись ситуативно и произвольно. Трудно вразумительно объяснить, например, почему ритуальное самоубийство должно быть нестерпимее для нас бытового суицида, на чём настаивает, похоже, цитируемый автор [см.: 11, с. 78]. Самурайский меч ничуть не уступит горсти снотворного в рациональном плане (то и другое сделано с умом), а в плане эстетическом кратно превосходит её. Рыцарский жест, очевидно, иррационально нестерпим для сутяжничества законников и догматики святош. Но это пустое. В жизни любят не нарочито правильных и не конформных середняков, а «несносных» желанных: детей-внуков, женщин-мужчин. Терпимое, всего лишь такое, бредёт мимо желания – и бытийного, и небытийного. Я сношу, и не более, то, что не хочу оберегать и что не решаюсь или не имею никакой возможности ликвидировать, уничтожить: пусть себе существует. Тот же Уолцер признаёт несовпадение или даже инаковость одобряемого и терпимого [см.: 11, с. 26].

Последнее в своих положительных смысловых и ценностных оттенках обнаруживается, понятно, возле «терпения» как несуетности и выдержки, рядом с «вынести испытание», «перенести, пережить утрату». Но это именно оттенки, следы, коннотации – не грани концептуального ядра. Терпимость, конечно, эмоциональнее, душевнее чопорной толерантности, но и, в отличие от той (дрейфующей возле центристского, нулевого уровня человечности), допускает безысходную согбенность в земном мире: «Бог терпел и нам велел». Сравнение соответствующих антонимов, «нетерпимости» и «нетолерантности», даёт в чём-то схожую картину. Нетолерантность – расплывчатая, не располагающая к детализации характеристика, приложимая и к ерундовому протесту, элементарной невоспитанности. Нетерпимость гораздо конкретнее (требует прояснения адресата), острее – и в неприятии мелочей, и в отторжении могущественных структур: «Нетерпение» – роман Юрия Трифонова о народовольцах: людях самоотверженных, героических... но с нервным срывом и ажитацией обречённых [см.: 10].

С невзрачной по натуре толерантностью и с уродствами в самом себе борется *небезразличие*: как не особо спешащее нетерпение, как не разменивающаяся на пустяки, невульгарная (но и не без рёбер жёсткости) нетолерантность. Оно рекомендует мне неиндифферентно и по-разному относиться к себе и всему на свете – со всей ответственностью перед собой и другими. Небезразличный – кого-то любит, кого-то ненавидит. Бережёт одних, всего лишь терпит многих прочих. Не афишируя. Особо не таясь. Толерантный – осуждая антагонистов, реальных и вымышленных, к остальным относится ровно (в пределах допустимой погрешности). Ровность не исключает безразличия – скорее подталкивает к нему. И трудно сказать, что сильнее дискредитирует толерантность: эта ли присущая ей тенденция к тотальной индифферентности или же разлад между декларативным неприятием нетерпимости и всамделишной нетерпимостью к нетолерантному? В любом случае итогово получаем упадочную радикализацию конформизма. С гегемоном по декрету и конвенции – социальным, воззренческим, символическим – всегда так. Как с полупристойным словом: когда оно остаётся, по сути, единственным из «крепких», разрешённых в публичном тексте, то делается действительно непристойным – до неприличия конформистским.

Небезразличное вправе предъявить содержательные претензии к толерантному. На первый взгляд, тезис рискован, обнаруживает в себе логическую неувязку. Несуразным представляется, чтобы отрицательное понятие было конкретнее, содержательнее положительного понятия из того же семантического сегмента («небелое» – «красное», «неложное» – «истинное»). Однако в состав «небезразличного» входят несколько отрицательных префиксов. Известно: два идентичных, формально-логических отрицания возвращают нас в исходную точку мысли. Два разнящихся лексико-семантических отрицания дают любо-

пытный, концептуально вариативный результат. В данной конкретной ситуации имеет место явный прирост личностных, экзистенциальных смыслов. Сравним: «вокруг различные люди» и «вокруг небезразличные люди» – друг другу или конкретно мне небезразличные.

Методологическая вставка. Можно сколько угодно, с плюралистическим усердием, предпочитать многое единому, не замечая или намеренно маскируя опрощающую редукцию: подмену единого – единицей (счётного множества); одним, непременно требующим другого; одним и тем же. Но не оспорить того, что даже двоица (не говоря уже о собственно многом) не способна быть определённой только из самой себя, так или иначе она соотносится с единицей, тогда как та вполне обходится самодетерминацией. Не отменить и не поколебать тождественность сущего (как такового, не фрагментарного) самому себе, безапелляционность и единственность этого тождества. Толерантный расшаркивается перед плюрализмом [см.: 11, с. 14] – со всеми его формальными и содержательными послаблениями. Небезразличный ответственно принимает монистическую установку – с её панлогистскими и тоталитаристскими угрозами, которым он сопротивляется, противостоит именно как неиндифферентный к сущему человек.

Да, небезразличный – из нетолерантных, тех из них, кто... не призывает, во всяком случае, репрессировать толерантных: хотя бы потому, что не очень верит в их существование. Он признаёт, естественно, наличие тех, по отношению к кому можно и должно применять силу, – но философов среди них нет ни одного. С «интеллектуалами» сложнее: понятие чересчур широкое и рыночное, со следами «купли-продажи». Но и тут доминирующая установка небезразличного в целом сочувственна: тенденциозно гнобят интеллектуалов завистливые, злобные недоумки. Небезразличному очевидно, что количество его недругов много больше, чем тех, кого следует резко осаживать. Во-первых, есть достойные соперники, к которым испытываешь искреннее уважение и прессовать их – первым – никогда не станешь. (И что это вообще за мужик, у которого нет врагов?) Во-вторых, есть омерзительного сорта злопыхатели, к ним и прикоснуться-то побрезгуешь, а убирать нечистоты чужими руками – неприлично. Однако сколь ни велико число противников, они не одолеют, не переселят любви – земной, человеческой, пусть единственного к единственной, – если небезразличный одарён ею. Но это уже лирика, ключ к сокровенному...

Поэтический слог, впрочем, от природы выразительнее, фактурнее философского. Строки из «Песенки о дуэлях» Леонида Филатова [см.: 13] содержательнее многих прочих в портретной зарисовке человека небезразличного.

Не важно то, что вас нечаянно задели,
Не важно то, что вы совсем не из задыр,
А важно то, что в мире есть ещё дуэли,
На коих держится непрочный этот мир!..

<...>

Не важно то, что для дуэли нет причины,
Не важно то, что ссора вышла из-за дам,
А важно то, что в мире есть ещё мужчины,
Которым совестно таскаться по судам!..

В прозаическом остатке текущих событий: хронически недомогающей паре либерализма и толерантности ответственно противостоит небезразличие здорового индивидуализма [см.: 12] и экзистенциальной сосредоточенности как таковой. И в Европе, и в России – с большим трудом. Ряд экзистенциальных зарисовок проиллюстрируют ситуацию, высвечивая её, быть может, в не совсем привычных ракурсах. Методологически они оттеняются интенцией эмоционально насыщенного разума: «Только из области чувств и берётся всякая достоверность, всякая чистая совесть, всякая очевидность истины» [7, с. 89].

От умозрений к событийной эмпирии

Признаться, против толерантности восстаёт всё: интуиция, инстинкт, физиология. Восстание облекается плотью иронии. Подумайте только: «толерантное отношение мужчины к женщине». Кому нужна эта псевдоплатоническая связь? Уж точно, ни Ему и ни Ей. Приведённый аргумент, конечно, не единственный, но один из главных, жизненно фундированных. Он остаётся весомым и при утрате «толерантностью» лидирующей роли в социально-политическом дискурсе (в официозных наставлениях и в ожидаемых от реципиента встречающих знаках лояльности), при оставлении за ней преимущественно или исключительно вспомогательных функций.

Середина «нулевых». В официозной риторике «толерантность» идёт на ура («патриотизм» держится пока в запасниках, на обочине). В одном из нижегородских вузов активисты (те, кто сегодня без тени смущения, разумеется, оперирует иной, угодной дню знаковой лексемой) решили открыть «кабинет толерантности». На мой совет повесить перед входом красный фонарь отреагировали в разной степени неприветливо. Коллеги, наоборот, поддержали улыбками и хохотом. Да, прибежище толерантности зачастую не отличить от «дома терпимости». Разговора о борделях, увы, не избежать: вопрос о легализации проституции из числа тех, на которые толерантность отвечает по обыкновению положительно. Как реагировать на это небезразличному? Блюсти моральную чистоту, когда сама общественная мораль продажна, – глупо. Сосредоточившись, озаботиться решением женского вопроса – ещё глупее. Оставим его феминисткам и толстовцам. Зайдём с другого, правильного конца. Если мужчина не может найти себе женщину никак, кроме как за деньги, он

просто слабак. И никакого сочувствия, откровенно говоря, не вызывает. Все угадываемые здесь возражения легко парируются. Что делать инвалидам и больным? Ничего особенного. Жизненный опыт свидетельствует, что определённая часть женщин благоволит именно им. Ничего странного. Природа умнее умников: умаляя одно качество в человеке, она усиливает другое – нередко связанное с «основным инстинктом». Неудивительно, что в каземат к чахоточному Томмазо Кампанелла в очередь выстраивались светские дамы. И у Достоевского гиперсексуальность участливо дополняла эпилепсию. Как юноше получить первый полноценный сексуальный урок? Ну опять же – не за деньги. И (три раза по дереву) не на синтетическом манекене. И (по дереву и через левое плечо) не на компьютерном симулякре. Жизнь, вне зависимости от социальных особенностей и антагонизмов, выработала непревзойдённый способ. Почти всегда находится женщина, лет на пять, десять, двадцать старше, которая почти бескорыстно, к удовольствию обоих, даёт этот урок, обучает азам. До всего остального, будь добр, доберись сам. Может, тогда тоже со временем сподобишься на роль учителя.

Специально для бдительных товарищей, беспокоящихся о непорочности сограждан и зачатия: ни мальчики (тьфу, чёрт), ни малолетки не в моём вкусе. (Соответствующую справку совсем недавно сдал, как требуется ныне, симпатичным девушкам из «кадров» родного университета.) Хотя, проигрывая в уме ситуацию с набоковским героем – прошлым летом посмотрел ещё раз экранизацию «Лолиты», – не уверен, что совладал бы с собой, оказавшись на его месте. Впрочем, покажите мне того безнадёжного праведника, который поклялся бы совладать: ведь ещё та зараза... Пикантности просмотра добавило то, что артист, игравший Гумберта Гумберта, на другом телеканале тут же предстал в образе главы клана Борджиа – жизнелюбивого семейства, в котором яды, кинжал и секс с намёками на инцест гармонично уживались под сенью церковного амвона и большой политики. Душевный фильм: реставрация выразительной – возрожденческой – насмешки над фарисейской толерантностью.

Вернёмся к проблеме учительства, сопрягая её с той разумной мыслью, что совершенствоваться должно всю жизнь, и не только с оглядкой на старшее поколение. Ещё один сериал из летнего репертуара. Английский детектив. Героиня, обучавшаяся некогда то ли в Кембридже, то ли в Оксфорде, говорит безупречному инспектору полиции: «Если выгонять из университета всех преподавателей, которые спят со студентками, в университете не останется ни одного преподавателя». Но это там, на гниющем Западе. У нас всё по-другому. Однако дистантное обучение вводится всё шире. Общение через экран. Образовательные услуги с контрацептивом. Бесплодные. Неумолимая логика прогресса: тиражируемые копии замещают оригинал, технически оснащённая толерантность асимптотически приближается к безразличию.

Что до легализации проституции (пора заканчивать с этим вопросом) – тут решительное *нет*. Профессия не худшая, не спорю. На социальной доске почёта сегодня представлены и те, что «древнее древнейшей» (инстинкт самосохранения подсказывает воздержаться здесь от конкретизации). Но при всех либеральных, инновационных веяниях надо отдавать себе отчёт в том, что юридически легитимный бордель окончательно подчинит мораль праву и поставит мужчину (его прежде всего) в неловкое положение.

Да, это мужской вопрос и... проблема свободного времени. О ней немало верного написал Карл Маркс. Как и об отношениях между полами. Ему приписывают фразу (см. фильм «Женни Маркс – жена дьявола»): у женщины, в известном месте, смыслов больше, чем во всей университетской библиотеке. Речь шла, если не ошибаюсь, о библиотеке Боннского университета, в который будущего классика не приняли на работу, и он, разумеется, был раздосадован. В силу чего тезис несколько теряет в весе. Но, как бы то ни было, на сегодняшний день, похоже, эвфемистично пересказанное выше нетолерантное суждение немецкого философа является самым сильным, всё ещё надёжно верифицируемым доводом в защиту материалистической теории. (Да, чувственно-телесная предметность вбирает в себя идеальные смыслы – не наоборот.) Идеологические наскоки его не берут. Вот библиотеки, становясь электронными, постепенно аргумент размывают. Кажется, буквально недавно молодой коллега, солидарно предвкушая радостную развязку, спрашивал: что общего между книгой и женщиной? Правильный ответ (ну улыбнитесь, расслабьтесь, не время ещё готовить сверкающий цианид...): и ту, и другую можно взять с собой в постель. Это возвышало книгу, делало чтение подлинно интимным актом. (Никогда не понимал, как можно углубляться в смыслы в городском общественном транспорте, вообще на людях? Оттого, вероятно, и не стал марксистом.) А потом появились ноутбуки, плоские и холодные (словно скалькированные с «нового политического мышления» и победительниц первых «перестроечных» конкурсов красоты)... До сих пор не подберу руку к их клавиатуре. Прикосновение к отполированному корпусу-обложке столь же отталкивающе, как и к силиконовым вставкам в женскую плоть. Зачем? Ведь и содержательность книги не зависит от её объёма, и диалектика рушит формально-логическую пропорцию между объёмом и содержанием понятия. Отсюда кредо: ничего калькулируемого, только здравая иррациональность. Просто к одной тянет, к другой – нет; и не объяснишь, да и не надо. Синтетические размеры и легкодоступные смыслы (одним кликом) не прибавляют желания. Технологический детерминизм – пятая колонна в марксистской парадигме.

Упрёки в сексизме, ещё одной мишени для толерантных каверз, слышу нередко. Отвожу их без труда и доброжелательно. Да и как иначе. Женщины – удивительные существа, инстинктивные парадоксалисты и

диалектики, этим уж точно хороши. Днём активно пикетируют мужское преобладание, ночью за недостаток одного поднимут тебя на смех. Выворачивая мужика то наизнанку, то налицо, жаждут только им ведомого положительного синтеза. Непросто с ними, но увлекательно. Никакому критическому рационализму женскую гипотетику никогда не фальсифицировать.

Броским индикатором, позволяющим распознать толерантную среду, является реакция на гомосексуализм. Каждый учебный год студенты (особенно будущие медики) настойчиво интересуются моей позицией и аргументацией – констатацией и доводами небезразличного. Ответ сформулирован давно и от случая к случаю воспроизводится без изменений. Отношение к гомосексуализму? К мужскому – с омерзением, к женскому – с любопытством.

В целом критический (на одном из полюсов – однозначно негативный) взгляд на однополый интим опирается на прочную естественную основу. Между мужчиной и женщиной возможно всё. Почти всё. Моральные препоны тут смехотворны. Серьёзный лимитирующий фактор один – геометрия тел. При этом плотские изыски здесь безоговорочно оправданы – рождением ребёнка, чудом новой жизни. От трущихся однополых человеческих тел ничего толкового на свет не появится, даже элементарная искра.

А если это любовь? – возразит оппонент. Хорошо, давайте немного о любви. Вот только что «теплохладная», «умеренная и аккуратная» толерантность смыслит в ней? Ничего, кроме редукции к «выстраиванию отношений», к убогой, шаткой структуре. Любовь, обрушиваясь с негаданной мощью стихии, возводит нас к рубежу реального и ирреального. Прочность барьера в расчёт уже не берётся. Сам по себе всякий расчёт перестаёт существовать. Сумасшествие, перемежаемое запахами и прикосновениями. В полупотьмах. Чуть поостыв (до небезразличного состояния) и осмотревшись – чтоб ненароком не разрушить невозстановимое, не распахнуть сокровенное настежь, – вернёмся к прозе. Любовь случается, когда встречаются двое и рождается третий. Ребёнок не оправдывает любовь – он её спасает. Пусть на время. До первой измены родителям. До претерпевания измены со стороны кого-то из них. Любовь без рождения ребёнка – несчастье или забава (извините, приходится повторяться: как-то уже печатно высказывал эту мысль). Всё, сменим тему, не с непотребством же её мешать...

Обратимся к феминизму – кратко – ещё одной реперной точке толерантной кривой. И, без душевных колебаний, вновь восстановим ироничную тональность, не умаляя, впрочем, серьёзности темы. Толерантность испытывает патологический страх перед естественной силой. Та от природы сосредоточена в мужском начале, на его усекновение и рекрутируется феминизм. С приращением в правах женщины оказываются, однако, не в прежнем суровом мире, а в ослабленном, изнежен-

но-хрупком социуме, который, как показывает практика, не способен защитить тех же эмансипированных особ от домогательств наглецов-мигрантов. Ещё несколько дополнительных штрихов. Быль толерантного общества. У них... Мужчина (видный) положил руку на колено спутнице. У той самооценка под потолок. А потом... заявление в соответствующие инстанции (для подкрепления самооценки?). Польстившемуся светит унижительная процессуальная канитель. И «четвёртая власть», напустив своих прилипал, покоя не даст. Вспомнился эпизод с сэром Алексом Фергюсоном. Там были, видимо, и отягчающие обстоятельства: истица не получила жвачку в подарок. У нас... Впервые пресс-атташе МИД стала женщина: зеркальный (в смысле подражательности жеста, а не сходства портретных черт, к счастью) ответ заокеанскому Госдепу. Симптоматично, что назначение произошло в ситуации, когда и Посольский приказ оказался заложником социальных сетей.

Потешаемся над Америкой и её псаками: посредственность, некомпетентность... Допускаю. И даже скорее соглашусь. Но они нас пока, не без участия псак, обыгрывают в одну калитку. Опоясали на неолиберальный манер управляемым хаосом, перманентными очагами напряжённости и вражды. Подталкивают в объятия Китая, который неспешно, без внешних эффектов подминает под себя весь мир, по собственному усмотрению устанавливая очередность поедания друзей и врагов. Вынуждают апеллировать к международному праву – выживать в джунглях, ориентируясь на путеводитель по зоопарку. Умело подыгрывают нам в том, чтобы мы превратились в ординарное буржуазное правовое государство или хотя бы по видимости стали таковым. Одним из них. Либеральным схематизмом, разукрашенным традиционалистской мишурой. Ряжеными. Словом, дебаты о некомпетентности лучше и не начинать. Особенно умиляет цитирование нашими персонами и институтами тамошних мэтров, интеллектуальных и политических (как правило, отставников и оппозиционеров), которые будто бы реалистичнее и благожелательнее к нам, чем действующие ныне зарубежные публичные политики, дилетанты и фантазёры. Агитпропу-официозу словно и невдомёк, что реалисты-тяжеловесы и петушиной категории клоуны разыгрывают одну – свою, не нашу – карту. Утешимся малым: феминизм остался далеко за бортом.

Теперь – без всяких шуток и эвфемизмов. СМИ сообщили о расчленении изувером собственных детей и беременной жены. Трагедия комментируется. Сразу обрисовали широкий круг виноватых. Претензии к соседям: вовремя не донесли. Убийце, понятно, дадут в конце концов пожизненный срок: то ли наказания, то ли издевательства над человечностью и здравым смыслом. Как всё это неумно. Сплошной паллиатив. О нравственном чувстве и не заикаюсь. Вменяемая альтернатива проста: расстрелять урода и показать по телевизору, как его тушка в обгаженных подштанниках падает к помочному забору. Разумеется, тот,

кто настаивает на подобном решении, должен сам быть готов отыскать подходящий закоулок и привести приговор в исполнение. Это само собой... Уверен, число потенциальных маньяков тотчас сократится. Погибших не воскресить. Но предотвратить хотя бы одно будущее злодеяние вполне возможно. Толерантный человек – по декларации, во всяком случае – категорически против смертной казни. Небезразличный – за неё. И не для шпионов и мегажуликов, тут достаточно полумер: первым – перевербовка, вторым – розги по субботам, сами всё быстро вернут. Высшая мера – для отъявленных душегубов.

Следующая сюжетная линия – с общественно-политической тканью и методологическими вкраплениями: в защиту иронии и её границ. Жить и размышлять без *озорной весёлости с горчинкой* в эпоху вопиющей эклектики – значит загонять себя в угол, к единственному выбору, которого, признаться, хотелось бы избежать. Для горьковчанина, нижегородца – это выбор между улицей Ульянова и Июльскими днями (на обеих, помимо прочего, психиатрические лечебницы). Смещение ценностей инициировано кризисом идентификационных процедур [см.: 3] и провоцирует его дальнейшее углубление.

Не исключено, правы те, кто утверждает: «иронии всегда предшествует надлом» [15, с. 313]. Тогда ирония прямоком спроваживает нас в декаданс: надломленному не подняться. Остаётся надеяться, что помимо иронии с надломом встречается ирония со шрамом – зарубцевавшимся, порой не без шарма, и оставляющим небезразличного непреклонённым.

Рубец (надрыв?) – из начала 1990-х. След «радикальных реформ». Страна с полосатым флагом. Своя ли? Вместо прежних несуразностей – новые. Не в облегчение. Всегда ставил (и ставлю) экзистенциальное выше социального и не предполагал, что смена общественного строя скажется так сильно. Но себя не обмануть. На «россиянина» не откликаюсь. Не перестал быть советским (позднесоветским, светской культуры человеком со склонностью к индивидуализму нелиберального толка). Остался русским. Актуальнее воспринимаю состав крови: 15/16 славянской, 1/16 тюркской. Недавно на конференции учёная дама ошарашенно переспросила: «Разве мы отвечаем за то, что получили генетически? Это же биологизаторство». Когда в ответ услышала: «Да, я отвечаю за всё, что досталось мне от родителей, включая уникальную композицию крови», – пошло навешивание политических ярлыков... Одно время смеха ради отслеживал их. Быстро собрал полную коллекцию, от края до края. Под абсент (спасибо Хемингуэю!) она неплохо идёт. Удручают, впрочем, не только и не столько социально-политические метаморфозы... Из разговора с вагонным попутчиком. Полковник, моих лет. Спрашивает (после коньяка из пластиковых стаканов): «Ты можешь себе представить, что Дагестан и Чечня – это Россия, а Украина и Белоруссия – заграница?». Отвечаю: «Нет, всё ещё не верится». «Вот и я – нет, – выдавил из себя офицер с колодками боевых наград. – И как мне с этим служить?».

Открыли вторую бутылку... Угнетает утрата органического единства, сродства с ним – с собственно Родиной; больно ранит ампутирование ландшафтов, пространств, потеря территории, которую ощущал своей. Остались осколки, нарезы: побольше – поменьше; тебе – соседу, уже постороннему, заграничному. Опять биологизаторство и физикализм? Плевать! В конце концов, я по первому образованию естествовед.

Политической тематикой завершать не хочется. Тошнит от неё. Всегда, принимая разделение на своих и чужих, пытаешься надёжно различать их и надеешься соотнести различие с политико-географическими границами – а не получается: и по эту сторону рубежей власть не вызывает доверия, что уж говорить о потусторонних деятелях и структурах. Утеряно чувство справедливости, причастности ей. Твоя страна теперь такая же капиталистическая, как и те, которых она учит жизни и которые в подобных поучениях отвечают ей взаимностью. То же упадочное преклонение перед финансовыми потоками. Тот же циничный диктат формального закона, пролоббированного вполне конкретными лицами и компаниями. Та же пресловутая эффективность, бессодержательно унифицирующая всё и вся, редуцирующая богатство смыслов к примитивному чистогану. Одолевает ощущение тотального вранья, элементарной нечистоплотности. И кричащей эклектики: смешения принципов правового и авторитарного государства, ценностей либерализма и традиционализма. Неудивительна в этой связи топорная демагогия, доминирующая в общедоступном политическом эфире: по-другому несоединяемое не соединить. Эти умопомрачительные телешоу: на одного серьёзного диспутанта десять перебивающих друг друга лицедеёв с заученной ролью и вещунов, практикующих полубезумный экспромт. Нетолерантно выразился, но уж как получилось. Можно и добавить. *Капитализм есть индифферентное к совести право плюс монетаризация всей страны.* В контексте «противостояния России Западу» он обречён у нас на черты юродивого уродства.

С экономикой не многим лучше: баррель упал в цене, товары и услуги внутри страны дорожают. Агитация и пропаганда, с пеной у рта критикующие либерализм, пытаются уверить нас в том, что за удешевлением нефти стоят «плохие парни» из-за рубежа («партнёры», если выражаться блудливо-толерантным языком) и что при действительно свободном рынке стоимость углеводородов была бы выше. Но тут, извините, одно из двух: или вы последовательно громите либерализм, а вместе с ним в обязательном порядке и свободный рынок (ведь они близнецы-братья), или признаёте, что у «плохих парней» из Штатов и с Аравийского полуострова больше сил и желания повлиять на мировую экономику, чем у наших «хороших парней» – скорректировать экономику национальную. Нас стремятся убедить в том, что за удорожание продуктов питания, лекарств, одежды и бытовой техники ответственны отдельные корыстные посредники и торговые сети. Как будто люди оглупели вовсе

и не понимают, что мздоимцев-медиаторов и менеджеров по продажам (продажных менеджеров) массово производит вполне определённая – капиталистическая – система общественных отношений; что «капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты»; и при 100 % ожидаемого дохода «он попирает все человеческие законы», а при возможных 300 % «нет такого преступления, на которое он не рискнул бы» [5, с. 770]. Любопытно ещё одно примечание из текста Маркса: «быть “либеральным” за счёт средневековья чрезвычайно удобно» [5, с. 729]. По нынешним российским временам не меньший навар в твёрдой валюте приносит «антилиберализм» в традиционалистском риторическом обрамлении. Поистине толерантно с нашей стороны озаботиться проблемами европейских фермеров, терпящих убытки из-за санкций, введённых Западом против России. И продемонстрировать эту заботу тогда, когда свои пенсионеры еле-еле сводят концы с концами. В преддверии затягивания поясов (петли?) осуществляются контрсанкционные мероприятия. Часть ввезённых продуктов питания уничтожается – вместо того, чтобы, проверив их качество, раздать кондицию: в социальные учреждения, престарелым. Ссылки «заградотряда» на мировую практику, буржуйскую, – от лукавого. Невесело. Запас цензурных слов у небезразличного иссякает.

Но несмотря ни на что, в пике пессимистичным волнам подытожу бодрящей ремаркой, размышлением о здоровом образе жизни. Всегда привожу в пример здесь Эрнста Юнгера. Доброволец Первой мировой. Одиннадцать ранений, три контузии, травленный газами. После войны – алкоголь и наркотики (лёгкие). И – сто два года в здравом уме и чувстве. Творческое долголетие. Вот она, воля к жизни. Высшая форма безразличия. Толерантности тут и в помине нет.

Список литературы

1. *Валитова Р.Р.* Толерантность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Председ. научно-ред. совета В.С. Стёпин. М.: Мысль, 2000–2001. Т. IV. С. 75–76.
2. *Грей Д.* Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. под общ. ред. Г.В. Каменской. М.: Праксис, 2003. 368 с.
3. *Гуревич П.С., Спирова Э.М.* Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 368 с.
4. *Лекторский В.А.* О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 46–54.
5. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии / Пер. И.И. Скворцова-Степанова. Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1978. VIII, 907 с.
6. *Маркузе Г.* Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике / Пер. А.А. Юдина. М.: АСТ: Астрель, 2011. 382 с.

7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдии к философии будущего / Пер. Н.Н. Полилова // *Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5.* М.: Культурная революция, 2012. С. 7–227.
8. Понтер К.Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. I / Пер. под ред. В.И. Садовского. М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. 448 с.
9. Самохвалова В.И. О содержании понятия «толерантность» в современном культурном контексте // *Философский журнал.* 2008. № 1. С. 161–175.
10. Трифонов Ю.В. Нетерпение // *Трифонов Ю.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3.* М.: Худож. лит., 1986. С. 5–406.
11. Уолцер М. О терпимости / Пер. И. Мюрнберг. М.: Идея Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с.
12. Фатенков А.Н. Индивидуализм: по ту сторону предубеждений // *Философия и культура.* 2013. № 2. С. 163–170.
13. Филатов Л. Стихи. Песни. Пародии. Сказки. Пьесы. Киноповести. Екатеринбург: У-Фактория, 1998. 544 с.
14. Шанин В.В. Толерантность // *Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / Нац. обществ.-науч. фонд / Руковод. науч. проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов.* М.: Мысль, 2003. С. 660–661.
15. Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945) / Пер. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2002. 783 с.

EXISTENTIALISM

Aleksey FATENKOV

DSc in Philosophy, Head of the Department of Philosophy. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 23 Gagarin Avenue, Nizhni Novgorod, 603950, Russia; e-mail: kfa@fsn.unn.ru

THE NON INDIFFERENT AGAINST THE TOLERANT

The norm and the practice of tolerance are being critically considered. It is being opposed by non-indifference as a morally vital priority setting. The author appeals to the existential experience, reconstructing it with minimal internal censorship. In the text the semantics of the life specificity prevail over the conceptual-categorical schematism. Reconstructed experience is full of irony which is mischievous and bitter. The grounds, the advantages and disadvantages of the ironic view of the world and of oneself are being considered. The author examines the relationship between men and women, the element of attraction, the miracle of love – and adjacent to them social and cultural phenomena which do not induce sympathy – prostitution, homosexuality, feminism. The author's intuition and feelings regarding the sequence of events in the political and economic spheres of modern public life are mainly not optimistic. All interpretation and evaluation relate to the protected position of the non-indifferent to illustrate it, and to the rejected line of tolerance.

Liberal tolerance (according to K. Popper) teaches me to be tolerant to all other, apart from the intolerant. But how should I treat myself? If I treat with intolerance I am a necrophiliac tragedian aimed at disengagement. If with tolerance, then I am not me, but someone of the many other; necrophiliac comedian with progressive symptoms of schizophrenia, with mannered crushing of selfhood into fragments.

“Tolerance” is the pseudoscientific, politicized synonym of “patience”. Terminated word – from philosophical and scientific theories – is different from the word from ordinary, everyday language with much more rigorous outline of its semantic boundaries. The politicization of the term gives the opposite effect, the content of the token becomes vague, in addition the attraction to absurd contexts grows inside.

“Patience” is not the most invigorating idea, it is sluggish. It is, of course, more emotional and mental than the prim tolerance, but, unlike the one (drifting near the centrist zero level) it allows hopeless stooping: “Think of Our Lord suffering on the cross”. Comparing respective antonyms, “intolerance” and “non-patience”, gives somewhat similar situation. Intolerance is vague, it does not have a characteristic detail, is applicable to the foolish protest and to elementary bad manners. Non-patience is much more specific (requires clarification of the recipient), sharper – and not only in opposition to the smallest detail, but and in rejection of powerful structures: “Impatience” is Yuri Trifonov’s novel about the people of the movement of “Narodnaya Volya”: selfless, heroic men... but with a nervous breakdown and agitation of the doomed.

Non indifference is fighting in itself with essentially nondescript tolerance and deformities: like non hurrying impatience, like not doing things in a big way, like not vulgar (but not without edges of rigidity) intolerance. It recommends that I must be not indifferent and have different attitudes to myself and the world around – with all the responsibility to ourselves and others. Not indifferent person has someone to love, someone to hate. It saves some, while tolerating many others. Without advertising. Without hiding. Tolerant person condemns antagonists, real and fictional, treats the others evenly (within the margin of error). Evenness does not exclude indifference but rather encourages it.

As a conclusion, alias premised intuitive point: liberally substantiated tolerance is being responsibly confronted by the not indifference of healthy individualism and existential concentration as such. Both in Europe and in Russia – with great difficulty today.

Keywords: non indifference, indifference, tolerance, patience, man, woman, individualism, liberalism, irony, existential experience

References

1. Fatenkov, A. “Individualizm: po tu storonu predubezhdeniy” [Individualism: Beyond the Prejudices], *Filosofiya i kul'tura*, 2013, No. 2, pp. 163–170. (In Russian)
2. Filatov, L. *Stikhi. Pesni. Parodii. Skazki. Pësy. Kinopovesti* [Poems. Songs. Parodies. Fairy tales. Plays. Kinopovest]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ., 1998. 544 pp. (In Russian)
3. Grej, D. *Pominki po Prosveshcheniyu: Politika i kul'tura na zakate sovremennosti* [Education's Wake], trans. G. Kamenskaya. Moscow: Praksis Publ., 2003. 368 pp.
4. Gurevich, P. & Spirova, E. *Identichnost' kak sotsial'nyy i antropologicheskyy fenomen* [Identity as a Social and Anthropological Phenomenon]. Moscow: Kanon+ Publ., 2015. 368 pp. (In Russian)
5. Junger, E. *Izlucheniya (fevral' 1941 – aprel' 1945)* [Radiation (February 1941 – April 1945)], trans. by N. Guchinskoy & V. Notkinoy. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2002. 783 pp. (In Russian)

6. Lektorskiy, V. O tolerantnosti, plyuralizme i krititsizme [About Tolerance, Pluralism and Criticism], *Voprosy filosofii*, 1997, No. 11, pp. 46–54. (In Russian)
7. Marcuse, H. *Kriticheskaya teoriya obshchestva: Izbrannye raboty po filosofii i sotsial'noy kritike* [The Critical Theory of Society: Selected Works on the Philosophy of Social Criticism], trans. A. Yudin. Moscow: AST: Astrel' Publ., 2011. 382 pp. (In Russian)
8. Marx, K. *Kritika politicheskoy ekonomii* [Critique of Political Economy], Vol. I, Kn. I, trans. I. Skvorcov-Stepanov. Moscow: Politizdat Publ., 1978. VIII, 907 pp. (In Russian)
9. Nietzsche, F. "Po tu storonu dobra i zla. Prel'yudii k filosofii budushchego" [Beyond Good and Evil], trans. N. Polilov, in: F. Nietzsche, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], 13 Vols., Vol. 5. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya Publ., 2012, pp. 7–227. (In Russian)
10. Popper, K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [Otkrytoe obshchestvo i ego vragi], 2 Vols., Vol. 1, ed by V. Sadovskogo. Moscow: Feniks Publ., Kul'turnaya iniciativa Publ., 1992. 448 pp. (In Russian)
11. Samohvalova, V. O soderzhanii ponyatiya "tolerantnost" v sovremennom kul'turnom kontekste [The Content of the Notion of "Tolerance" in the Contemporary Cultural Context], *Filosofskiy zhurnal*, 2008, No. 1, pp. 161–175. (In Russian)
12. Shanin, V. "Tolerantnost" [Tolerance], *Sotsiologicheskaya entsiklopediya*, 2 Vols., Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 2003, pp. 660–661. (In Russian)
13. Trifonov, J. "Neterpenie" [Impatience], in: J. Trifonov, *Sobranie sochinenii* [Complete Works], 4 Vols., Vol. 3. Moscow: Hudozh. lit. Publ., 1986, pp. 5–406. (In Russian)
14. Valitova, R. "Tolerantnost" [Tolerance], *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopedia of Philosophy], 4 Vols., Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 2001, pp. 75–76. (In Russian)
15. Walzer, M. *O terpimosti* [On Toleration], trans I. Myurnberg. Moscow: Ideya Press, Dom intellektual'noy knigi Publ., 2000. 160 pp. (In Russian)